

Константин Райкин — «Газете»

«Театр не должен терять плебейского начала»

Театр «Сатирикон» открывает новый сезон премьерой пьесы известного английского комедиографа Рэя Куни «Смешные деньги» (рецензию на спектакль читайте на странице 32). После этого в театре собираются ставить «Ревизора», комедии Гольдони и Лопе де Вега. Худрук театра Константин Райкин рассказал Ольге Романцовой о планах «Сатирикона», о грядущей театральной реформе и о том, как важен для театра успех у зрителей.

Константин Аркадьевич, успех спектакля у публики для вас важный критерий?

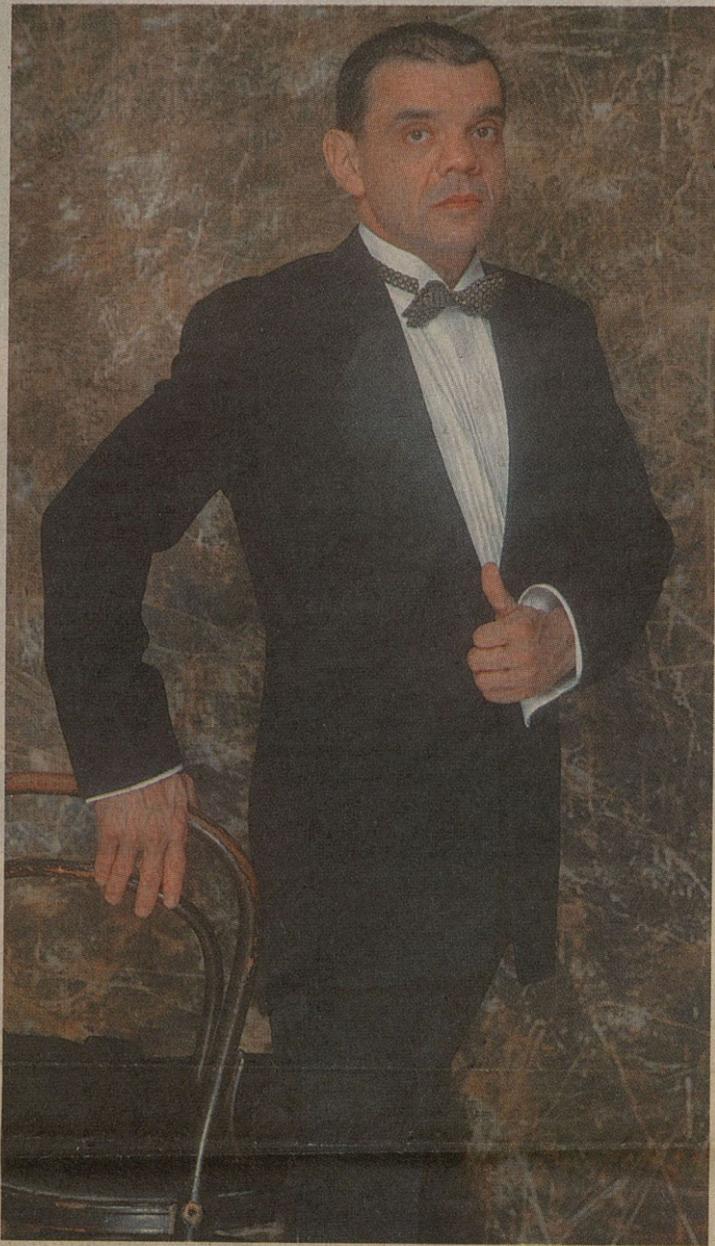
Самый важный, когда спектакль играют на большой сцене. Не в экспериментальном и лабораторном, а в традиционном репертуарном театре, рассчитанном на большое число зрителей. Я считаю, в таких спектаклях режиссер должен сделать все, чтобы зритель напряженно следил за происходящим на сцене. Я настаиваю на этом. Режиссура — это наука о том, как сделать, чтобы зрителю было интересно. Чтобы он, раскрыв рот, смотрел, плакал, смеялся и не отключался ни на секунду — это самое главное. Все остальное — шаманство, лукавство, кокетство. Конечно, когда спектакль играют в малом зале, у него могут быть другие задачи.

Бывает так, что спектакль пользуется успехом, но вам не нравится?

Бывает. Для меня это информация к размышлению, потому что успех у публики нельзя назвать истиной в последней инстанции. Публика иногда может восторженно пожирать всякую безвкусицу. Но я считаю, что успех в театре имеет самое большое значение. Конечно, успех бывает разный. Но все-таки для меня это один из самых важных критериев. Если спектакль хороший, а публика его не воспринимает, не подключается к нему, значит, совершена какая-то ошибка. Искусство театра невозможно без взаимодействия со зрительным залом. Это картина может висеть на стене, независимо от того, нравится она современникам или нет. Ее не поняли сейчас, но через сто лет поймут. А театральное искусство не имеет смысла без реакции публики. Театр без зрителей — это как живопись в темноте. Конечно, зрители могут быть малокультурными. Но важно уметь их повести, помочь подняться к высотам прекрасного. Повести так, чтобы не очень их опережать, чтобы они не заскучили, не отстали и не бросили тебя на полпути.

Как удержать их внимание?
По-моему, в режиссуре должно быть какое-то плебейство...

Вам нравится это слово?
Что в нем плохого? Плебейство есть во всей великой драматургии. В Шекспире полно плебейства, в его пьесах сочетаются юмор ниже пояса и высокая философия. А как обойтись без такого юмора? Заведи зрителя чем-

Фотограф: Валерий Плотников

то жареным и сам заодно посьмейся, а потом поведи его за собой от легкой похабелы к гибельным высам души. А потом опять к низкому вернись, а потом опять к высокому. В этом и заключается искусство удерживать внимание. Искусство драматургии и режиссуры. Может быть, мои слова обидят кого-нибудь из «дегустаторов», но, на мой взгляд, театр не должен терять площадного, плебейского начала. Ни один из великих драматургов без этого не обходился: Мольер, Гольдони, Шекспир. Без этого не обходится великое кино. Вспомните фильмы Феллини, Чаплина. В них обязательно кому-нибудь дают пинок под зад. В них есть моменты, которые понятны, они берут за шкуру и ведут за собой самого простого человека. А разве яркое, красивое зрелище не плебейское понятие? А животное начало, которое есть в каждом из нас?

Почему вы решили поставить пьесу Рэя Куни «Смешные деньги»?

Можно сказать, что меня просто взяли измором. Михаил Мишин, переводчик пьес Куни, приносил мне «№ 13», «Таксиста» и другие пьесы. Но я прочитывал их и отказывался: комедия положений в чистом виде кажется мне плоской, не очень интересно ее ставить. Но пьеса «Смешные деньги» меня неожиданно зацепила: в ней есть трогательный, лирический мотив: маленькому клерку попадает в руки огромная сумма, он борется за то, чтобы

петируем «Ревизора». Его будет ставить Юрий Бутусов, а играть будут артисты разных поколений, в том числе и я.

Вы будете играть Городничего?

Да. Вот такие у нас планы.

Несколько лет назад в репертуаре «Сатирикона» появились пьесы русских драматургов: «Доходное место», «Маскарад», «Страна любви». Вам нравятся все эти спектакли?

Я считаю, что «Маскарад» не совсем получился. Володя Агеев — человек очень талантливый, но у любого талантливого человека что-то может получаться, а что-то нет. Мне не нравится, как у этого спектакля складываются отношения со зрительным залом. Мы доиграли «Маскарад» до конца сезона и расстались с ним.

В остальных случаях тоже что-то получилось, что-то нет. Островского я считаю великим драматургом, лучшим из писавших на русском языке. В «Стране любви», по-моему, есть главное: первобытная, пещерная энергия молодости и стихия любви. Осознание себя через любовь, ощущение бессмысленности жизни без нее. Это очень хорошо воспринимается зрительным залом.

Что будет с «Сатириконом» после театральной реформы?

Я отношусь к этому с большой тревогой. Мы пытаемся выбраться из прокрустова ложа трех форм, которые сейчас упорно навязывают театральному процессу. Пока я понимаю, что восемь главных театров страны, которым дали гранты, удовлетворены, но это не решает проблемы. Театров гораздо больше. Я с тревогой слежу за развитием событий и беспокоюсь. Вся предыдущая практика отношений чиновников и людей искусства всегда была очень определенной. Мало верится, что будут учтены все наши пожелания. А если этого не произойдет, эту реформу потом назовут большой ошибкой. Я боюсь, как бы не повторилась история с монетизацией, только в еще более разрушительных масштабах. Конечно, нас, деятелей театра, очень внимательно выслушали. Но разве такого не бывало и раньше?

Правда ли, что из-за грядущей реформы вам пришлось уволить многих артистов?

Я расстался с немалым числом артистов. Это связано не только с грядущей реформой, но и с ней тоже. Мне надо как-то выживать. Этот процесс был трудным и болезненным, но я ничего не могу поделать. Раньше мне платили маленькую дотацию, но «Сатирикон» зарабатывал примерно 80% средств, которые были нам необходимы. Я мог поощрять людей,

выпускать на заработанные театром деньги дорогие спектакли. Как выпустить спектакль, существуя на госбюджете? Я уже не говорю о том, что не смогу пригласить ни одного режиссера. Надо будет за чем-то устраивать конкурс: провести тендер, заявить в газету. Если я хочу пригласить Стурца, я должен пригласить Тютюкина, Пупкина и Хрюпкина и тоже заявить о них. Государство опять начинает вмешиваться во все вопросы. Деньги, выданные мне на булавки, я не могу потратить на иголки или на скрепки.

Вы считаете, что зрителей можно воспитать?

Конечно. Например, в Австрии массовая культура — это Бах и Моцарт. В Вене или в Зальцбурге 50 тысяч человек всех возрастов целый день слушают Баха, стоя под дождем. У нас так только футбол смотрят. Мне кажется, что людей можно научить иначе относиться к культуре, надо отдавать себе отчет, что это не менее важно, чем экономические и политические проблемы.

Почему вы давно не снимаетесь в кино? Не помню ни одного вашего нового фильма после сериала об Эрколе Пуаро.

Получилось так, что режиссер этого фильма Сергей Урсуляк построил под мою работу весь съемочный график. Такого почти не бывает в кино. Режиссеры, снимающие фильмы и телесериалы, обычно не очень уважительно относятся к театральному искусству. Они чувствуют себя хозяевами жизни и просто глаза вытирают, когда я не пускаю какого-нибудь студента сниматься. Они захапали моего студента, а когда я сказал, что я его выгоню, если он будет вместо учебы сниматься, мне цинично заявили: в какое время вы живете? Это же счастье, что ваш студент снимается. Вы должны Бога благодарить. Я приучил кинорежиссеров к тому, что лично ко мне как к актеру лучше не соваться. Не думаю о кино и прекрасно без него обхожусь. Мне действительно некогда. У меня нет ни свободного времени, ни выходов. Работа в театре гораздо интереснее.

Даже Герман не убедил вас сниматься?

Даже такие замечательные, гениальные режиссеры, как он, обычно абсолютно не считаются с жизнью людей театра, полагая, что она должна делиться на две части: до встречи с ним и после встречи. Мне показалось, что, когда я отказался сниматься, Герман был обижен. Но что поделаешь... У него свои игрушки, у меня — свои. Он почему-то думает, что его игрушки для меня интереснее, чем мои собственные. По-моему, мои — гораздо интереснее.

Сатирикононосец

Константин Райкин родился в 1950 году в семье Аркадия Райкина и Руфи Иоффе. В 1967-м поступил в Щукинское училище. Закончив обучение, был приглашен в «Современник», в 1981-м — в Театр миниатюр Аркадия Райкина, переименованный в 1987-м в «Сатирикон». В 1988-м стал худруком «Сатирикона». Сыграл главные роли в спектаклях «Великолепный рогоносец», «Превращение», «Гамлет», «Контрабас». Как режиссер поставил спектакли «Ромео и Джульетта», «Квартет», «Страна любви». Лауреат Госпремии РФ, премии «Золотая маска», народный артист России.